

«ЗАЧЕМ ЗРЯ КИПЯТИТЬСЯ?»

Людмила Сараскина в интервью «Солженицын без альтернативы» (№ 27 с.г.) и **Виктор Лошак** «Оттолкнуться от памятника» (№ 26 с.г.) критиковали книгу **Владимира Войновича** «Портрет на фоне мифа», посвященную **Александру Солженицыну**. **Сегодня Владимир ВОЙНОВИЧ** отвечает своим критикам

О тчего сыр-бор, господа суровые критики? Прочтите мою книгу внимательней, и вы без труда найдете в ней мои слова о том, что он был большим событием в истории страны, мира и в моей собственной жизни. О ком я мог бы еще такое сказать? Он (как явление, а не лично) занял в моей жизни такое большое место, что, описывая свое прошлое, я не могу не рассказать, как он появился и что для меня значил. Важной частью моей биографии были написание «Чонкина», выступления в защиту прав человека и исключение меня из Союза писателей. Могу ли я, рассказывая о себе в своих мемуарах, не упоминать о Солженицыне, если серьезным (но не главным) обвинением против меня и частичной причиной гонений были мои неоднократные выступления в его защиту? Тогда, между прочим, голосов некоторых его нынешних защитников я что-то не слышал. В день моего исключения из Союза писателей в 1974 году я написал открытое письмо, в котором назвал Солженицына «величайшим гражданином» (некоторые тогда сетова-

ли, почему не величайшим писателем). Если хочу написать об этом, то можно ли на этом остановиться и не сказать, что мое отношение к Солженицыну претерпело определенные изменения? Мой роман «Москва 2042» тоже был важной вехой в моей биографии, но судьба его оказалась непростой даже вне советских условий. Должен ли я умалчивать об этом? И о том, как моя вполне добродушная (на мой взгляд) пародия была воспринята частью читателей, которые проклинали меня, рвали со мной отношения, обвиняли меня в клевете на великого человека и даже в желании угодить КГБ (тогда, может быть, и Солженицын угодил КГБ, написав пародию на Копелева и Панина, своих сотоварищей по «шарашке»?). Некоторые противники моего романа действовали в духе советской цензуры, стараясь (и порой успешно) не дать моей книге возможности дойти до читателя. Мне говорят, что я Солженицына ненавижу и считаю ничтожеством. И то, и другое неправда. Конечно, я в нем разочарован, и даже сильно, но от разочарования до ненависти дорога может быть достаточно длинной. Я в книге своей написал, что и сейчас считаю его исторической фигурой и крупным писателем (это разве мало?), но рядом с Толстым или Пушкиным все-таки не поставлю. Это очень оскорбительно? Я критически, а порой иронически отношусь к некоторым его взглядам, призывам, к стилю и языку и его моральный облик для меня тоже безупречен. Критикесса Сараскина говорит (она в своем мнении не одинока), что я написал свой собственный портрет, и это прав-

да. Точнее сказать, я написал три портрета: свой собственный, Солженицына и нашего общества. Может быть, в чем-то ошибся, но сознательно ничего не искажил, ничего никому лишнего не приписал, ни одного факта не передернул. Меня попрекают возрастом Александра Исаевича, но в принципиальном споре, а не в физической драке возраст значения не имеет, да и я сам тоже не мальчик. Мне говорят, что затеянному спору будут рады люди иного лагеря, но мы с Солженицыным в одном лагере не состоим, а если бы состояли, то стоило бы вспомнить классическое о Платоне и истине. Соображение, что моя книга вообще будет на руку каким-то неведомым мне темным силам, меня вообще не волнует, времена, когда я знал, где эти силы гнездятся, слава Богу, прошли. И вообще, господа критики, зачем зря кипятиться? Ни с Олимпа, ни с корабля истории, ни с пьедестала того, кто прочно на этих поверхностях укрепился, усилиями отдельных зловредных личностей столкнуть невозможно. А кто сам сползет, того горячими заклипаниями не удержишь.

